

Литература:

Большее А.О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века, СПб.: Филол. ф-т СПб. ун-та, 2002.

Булгаков С.Н. «Душевная драма А.И. Герцена», Киев, 1905. Электронный ресурс: http://imwerden.de/pdf/bulgakov_sergej_dushevnaaya_drama_gercena_1905.pdf, Дата обращения 5.04.2014.

Герцен А. И. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 2. М., 1954.

Герцен А.И. Былое и думы: [В 2 кн.]: Кн. 1, ч. 1–5, М., 2001.

Герцен А.И. Былое и думы: [В 2 кн.]: Кн. 2, ч. 6–8, М., 2001.

Карпов И. П. Авторология (рабочий словарь): Литературоведение, лингвистика, философия, логика, психология. Электронный ресурс: <http://slovar.lib.ru/dictionary/avtorologija.htm>. Дата обращения 5.04.2014.

Медарич М. Автобиография / автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. ст. по рус. лит. XII–XX вв. / под ред. А. Муратова и Л. Иезуитовой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С.5–32.

Савкина И. Женское письмо как само(о)писание: письма Натальи Захарьиной к жениху (1835–1838 гг.) // VI World Congress for Central and East European Studies-Abstracts. Tampere, 2000. Электронный ресурс: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_e.htm. Дата обращения 5.04.2014.

Ермоленко С.И. (Екатеринбург)

Русский роман в ситуации «разлома эпох» (80-е гг. XIX века): еще раз о «кризисе» жанра

В отечественном литературоведении традиционным является мнение, согласно которому в 80-е годы XIX века положение романа в системе жанров русской прозы (по сравнению с предыдущими десятилетиями) резко меняется. Если в 70-е годы роман выступает в качестве ведущего жанра русской литературы, то уже в следующем десятилетии главные художественные открытия будут связаны не с произведениями больших эпических форм, но малых и средних.

Вопрос о судьбе романа в системе жанров русской прозы 80-90-х годов как актуальная научная проблема, требующая своего разрешения, был поставлен еще в 70-е годы прошлого века И.А. Дергачевым [Дергачев 1976: 3-17; см. также: Дергачев 2005: 91-103]. Однако представления исследователей о месте романа в системе прозаических жанров, его значимости в историко-литературном процессе 1880-х годов как прежде, так и сейчас оказываются весьма противоречивыми.

Так, с одной стороны утверждалось, что в русской литературе 80-х годов на первый план выступают «малые прозаические формы (рассказ, очерк, небольшая повесть)», оттесняя на второй – роман (традиционная точка зрения, сформулированная в академической «Истории русского романа») [Баскаков 1964: 479]. С другой стороны,

говорилось, что роман и в эти годы «остаётся главным жанром литературы» [История... 1966]. К.Д. Муратова, в свою очередь, указывала на «парадоксальное противоречие» между продуктивностью романа как жанра и его нерепрезентативностью в русской литературе последних десятилетий: «80–90-е годы дали огромное число романов, но романов посредственных писателей, преимущественно натуралистов. Произведений, совершивших переворот в сознании читателей, подобно романам “Отцы и дети” и “Что делать?”, эти годы не знали» [Муратова 1966: 12]. А. Г. Цейтлин решительно настаивал на том, что в 80-е годы жанр романа «угасает», «исчезает» [Цейтлин 1964: 554]. «Но он не исчез, - вступает в полемику уже в наше время Г.К. Щенников, - а утратил приоритетное положение в литературе этого времени» [Щенников 2005: 22].

В 70-е пореформенные годы, когда, по известному выражению Л.Н. Толстого, «все... перевернулось и только укладывается», когда особую актуальность приобретали поиски национальных путей развития, роман являлся господствующей «формой времени» (В.Г. Белинский), которая находилась в центре внимания писателей, критиков и читателей. Именно в это время было создано множество «знаковых» для отечественной культуры произведений большой эпической формы, представленной различными жанровыми модификациями, благодаря которым русская литература в конце столетия приобретает мировое значение («Анна Каренина», «Обрыв», «Новь», «История одного города», «Господа Головлевы», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» и т.д.).

В большом количестве издавались и романы писателей «второго ряда». В условиях «высокого этапа» народничества возникает так называемый народнический – социальный роман, пользовавшийся популярностью у демократически настроенной читательской аудитории, главными темами которого становятся жизнь русской пореформенной деревни, судьбы народнической интеллигенции («Хроника села Смурина. Из жизни русского крестьянина» (1873-1874) П.В. Засодимского, «Устои. История одной деревни» (1878-1883) Н.Н. Златовратского и др.).

Популярностью у демократически настроенной читательской аудитории пользовались произведения об умственных и нравственных исканиях разночинной интеллигенции - «новых людях», «занятых общественной или научной деятельностью во благо народа», продолжающие традиции Н.Г. Чернышевского – автора романа «Что делать?» («Шаг за шагом» (1870) И.В. Омулевского; «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1870) И.А. Куцевского; «Большая медведица» (1870-1871) В. Крестовского (Н.Д. Хвоцинской-Зайончковской); «Без исхода» (1873) К.М. Станюковича; «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов» (1877) Н. Флеровского (В.В. Берви) и др.).

В противовес произведениям о «новых людях» продолжали выходить антинигилистические романы с ярко выраженной тенденциозной

направленностью, что являлось выражением поляризации общественно-политических сил в стране и углубляющегося раскола национально-самосознания («На ножах» (1870-1871) Н.С. Лескова; «Марина из Алого Рога» (1873) Б.М. Маркевича; «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874) – романы, составившие диологию «Кровавый пуф. Хроника о новом Смутном времени Государства Российского» В.В. Крестовского и др.)

В первые пореформенные десятилетия, когда четко обозначился общий подъем чувства личности, писатели активно искали новые принципы и способы изображения человека в его связях с «переворотившимся» русским миром. На первый план выходило художественное исследование психологического склада личности, изображение ее нравственных качеств и духовных поисков - «избрания пути» (Л.Н. Толстой). Роман оказывался в этом плане не только самым продуктивным, но и самым репрезентативным жанром 70-х годов: его жанровая концепция позволяла с максимальной полнотой воплотить новое представление о мире и человеке, которое формировалось в общественном сознании эпохи.

Рубежность - завершенность одного периода в истории русской литературы (и русского общества) и начало другого (после 1 марта 1881 года – убийства Александра II) – ясно осознавалась современниками. Внешне, как будто бы, ничего не изменилось в жанровой картине русской прозы 1880-х годов: роман, как уже было сказано выше, продолжал количественно превосходить иные жанры. Если мы обратимся к периодическим изданиям тех лет самых разных идейно-эстетических ориентаций, то обнаружим, что произведения больших эпических форм занимали в них видное место.

Но, несмотря на большое количество романов, опубликованных в эти годы, говорить о многообразии модификаций жанра не приходится. Если в 70-е годы роман был представлен самыми разными жанровыми модификациями (в центре которых оказывались проблемы этико-философского, идеологического, общественно-политического, социального, психологического характера), то в 80-е годы наиболее востребованной оказывается именно социальная разновидность романного жанра (например, народнический, а также «натуралистический» (П.Д. Боборыкин, А.В. Амфитеатров) романы, для которых характерно доминирование социального аспекта изображения над психологическим).

Критики 80-х годов, независимо от своих идейно-эстетических взглядов, выражали озабоченность по поводу нарастания кризисных, как им представлялось, тенденций в литературе, что проявлялось в отсутствии новых художественных открытий, варьировании старых тем, идей, эксплуатации «старых» форм и приемов, понижении общественного пафоса. Так, А.М. Скабичевский, оценивая в 1880-е годы состояние отечественной словесности как «шатание», эпигонское «топтанье» на месте, приходит к суровому выводу: «Это положительно какое-то одичание» [Скабичевский 1885]. Уход из жизни одних корифеев лите-

ратуры, создавших классические образцы русского романа (Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева) и смена жанровых приоритетов в творчестве других (И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого), предпочитавших в эти годы роману иные жанровые формы, делали эти негативные, как казалось современникам, явления особенно заметными.

Романисты, без чьих имен сегодня невозможно представить историю русского классического романа XIX века, ощущают в это время «исчерпанность» романа прежнего типа, невозможность создания произведений больших эпических форм по старым «лекалам». Об исчерпанности типа романа, вырастающего на «почве семейственности» с интимно-психологической проблематикой и любовной коллизией, на рубеже 60-70-х годов говорил М.Е. Салтыков-Щедрин: «Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву... Роман (по крайней мере, в том виде, каким он являлся до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. <...> Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте – везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом» [Салтыков-Щедрин 1988: 96-97]. Осознавая исчерпанность романа «старого» типа, Л.Н. Толстой еще в 60-е годы, как известно, откажется называть «Войну и мир» романом, предпочитая «внежанровое» обозначение «книга» («Несколько слов по поводу книги “Война и мир”», 1868). Позднее, в дневнике 1893 года Толстой даже напишет: «форма романа не только не вечна, но она проходит» [Толстой 1952: 93].

При этом роман не перестает осознаваться как важнейший жанр литературы, по которому судят о степени ее эстетической зрелости и значимости. Однако в 80-е годы он перестает быть *господствующим* жанром, уступая свое место малым жанрам, прежде всего – рассказу. «В ... пору, когда отвергаются и разрушаются социальные, идеологические и художественные стереотипы... - утверждал Н.Л. Лейдерман, - рассказ оказывается едва ли не единственным из прозаических жанров, который обладает способностью на основании самых первых, только-только “прорезавшихся”, доселе неведомых коллизий заявить новую концепцию личности. И не просто заявить, а “оконтурить”, сделать наглядно-зримой и тем самым подвергнуть ее проверке “целым миром”, воплощенным в нем эстетическим законом жизни». Роман - большая жанровая форма – не столь мобилен, как средние, тем более малые жанры, например, рассказ, который, подчеркивал исследователь, как раз и «набирает силу в ситуации духовного кризиса, *на разломах историко-литературных циклов* (периодов, этапов, эпох)» [Лейдерман 2010: 213-214. Курсив наш. – С.Е.], становясь подлинной «формой времени» в литературе 1880-х годов.

И в этой связи понятными оказываются суждения об «окаменеении» романа в 80-е годы, противоречащие, на первый взгляд, положению М.М. Бахтина о том, что роман как «эпос нашего времени», возникающий в зоне «контакта с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)», - неканонический жанр, который в

принципе не может «стабилизироваться» («Жанровый костяк романа еще далеко не отвердел, и мы еще не можем представить всех его пластических возможностей»), отлиться раз и навсегда в завершённую жанровую форму («роман не даёт стабилизироваться ни одной из своих разновидностей...») [Бахтин 2000: 194, 197].

Заслуживает внимания суждение И.А. Дергачева о том, что данное положение Бахтина, «верное для больших отрезков исторического времени и для вершинных явлений культуры», может быть «неактуальным для ряда конкретных периодов» развития литературы [Дергачев 2005: 96]. Позволим себе так уточнить мысль исследователя: положение Бахтина «верно» относительно романа как жанра вообще, «неактуальными» же для «конкретных периодов» могут оказаться те или иные типы романа, те или иные его жанровые модификации.

Приведенную выше фразу о «невечности» «формы романа» из дневника Толстого, работающего как раз в это время над «Воскресением» («... захотелось написать именно роман [“широкого дыхания” – С.Е.], вроде “Анны Карениной”...» - Г.А. Русанову, 1889), следует, очевидно, в данном контексте истолковать не как признание возможности «исчезновения» романного жанра вообще, а как понимание писателем исторической изменчивости, подвижности, «преходящности» его определенных жанровых форм для определенных периодов развития литературы.

Полагаем, что именно таким периодом в русской литературе и оказываются 1880-е годы. Пытаясь понять причины вытеснения романа в 80-е годы с авансены русской литературы малыми и средними прозаическими жанрами, некоторые исследователи приходят к выводу: неактуален не жанр как таковой, а именно *тип романа*, который «с максимальной репрезентативностью сложился в творчестве И.С. Тургенева» и на который, в массе своей, ориентировались писатели-беллетристы 80-х годов.

Это такой тип романа, - уточняет И.А. Дергачев, - «в котором центральное место в жизненной ориентации личности отводится интеллекту и признается решающая роль разума в надлежащем устройстве жизни общества и человека» («Отцы и дети» - ярчайший образец такого типа романа). Приводя различные существующие в литературоведении определения жанровой специфики типа романа, как он сложился в творчестве Тургенева, исследователь отмечает, что все они сходятся в одном: «тургеневский» роман «*сосредоточен на личности*», которая испытывает «давление времени», но «не напрямую условиями воспитания, средой, а широким идейным движением эпохи» [см.: Дергачев 2005: 96-100. Курсив наш. - С.Е.].

Почему же роман, «сосредоточенный на личности», ее самосознании, интеллекте, перестает отвечать эстетическим запросам эпохи 1880-х годов? Ответы, по всей видимости, надо искать в самой атмосфере времени, формирующей новые эстетические требования, которые и определяли необходимость поисков новых форм художественно-

го освоения действительности, способных воплотить новое содержание.

80-е годы XIX века, наступившие после убийства народовольцами императора Александра II, – трагический период в истории русского общества, когда все противоречия русской жизни обозначились с особенной остротой. Л.Н. Толстой сравнивал состояние России того времени с «положением больного во время кризиса», когда «один ложный шаг, прием средства ненужного или вредного, может навсегда погубить больного» (<черновое> письмо Александру III. 1881, 8-15 марта).

Осознавая острую необходимость «врачевания» общественного недуга, современники в то же самое время испытывали растерянность в выборе «средств». В.Я. Кирпотин, размышляя о динамике русской прозы в 1870–1880-е годы, пишет: «Для создания романа большого стиля необходимо было, чтобы автор имел свое достаточно удовлетворительное объяснение ранящих душу противоречий, или же нужно было, чтобы в самой жизни наметились достаточно ясно те тенденции развития, которые, в конечном счете, могли бы вывести из переживших себя, ставших невыносимыми условий существования» [Кирпотин 1963: 244]. Однако ни «удовлетворительного объяснения» «ранящих душу» противоречий времени, ни, тем более, сколько-нибудь ясного понимания «тенденций развития», которые «наметились» бы в «самой жизни», в исторический период 80-х годов еще не было. Вера в первостепенную роль разума в «надлежащем» переустройстве мира, которую утверждал роман «тургеневского» типа с центральным для него образом интеллектуальной личности, была, таким образом, подорвана в условиях общероссийского хаоса пореформенной действительности.

Наступившая эпоха «реакции», «застоя», «безвременья» (как принято определять 80-е годы), ощущение современниками разрыва всех связей – общественных, политических и чисто человеческих, утраты прежних нравственных ориентиров – не способствовали изображению человека в его сложных связях с миром, воспроизведению действительности в широких эпических масштабах романа.

Эпоха «всеобщего обособления» (Ф.М. Достоевский), «существования в одиночку» (М.Е. Салтыков-Щедрин) выдвигала новую концепцию личности, не связанной с общественной жизнью, с судьбой народа и родины. Ф.М. Достоевский предупреждал: «... явятся новые лица, еще неизвестные, и новый мираж; но какие же лица? Если некрасивые, то невозможен дальнейший русский роман» [Достоевский 1975: 454]. Уместно в этой связи также вспомнить слова А.П. Чехова, который, размышляя над романом «Обломов», сказал: «... Илья Ильич... не так уж крупен, чтобы из-за него писать целую книгу. <...> Возводить сию персону в общественный тип – это дань не по чину» [цит. по: Летопись... 1889]. Очевидно, Чехов, характеризуя гончаровского героя как «лицо» именно «некрасивое», то есть не связанное с общей жизнью, подходил к оценке романа «Обломов» уже с позиций тех эстетических

требований к жанру, которые формировались в 80-е годы. Отсутствие «красивого лица» делало невозможным дальнейшее развитие романа, как он сложился на русской почве в предшествующие десятилетия, ибо герой романа в отечественной классической традиции – это всегда личность, приобщенная к высшим и общим («роевым») началам бытия.

Для изображения «обособленного» бытия 80-х годов, художественного воплощения новой формирующейся концепции личности более подходили не крупные жанровые формы, предназначенные для изображения человека в его многообразных связях с миром, но малые: рассказ, повесть, очерк и др. Не случайно новое поколение писателей, входящих в литературу в 80-е годы, – А.П. Чехов, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко – обращаются именно к малым жанрам.

В рассматриваемый период вплоть до «Воскресения» Л.Н. Толстого (1889—1899) – не было создано ни одного произведения большой эпической формы, по своему художественному уровню приближающегося к романам предшествующих десятилетий. А.П. Чехов, неоднократно предпринимавший попытки написания романа, так и не создал его, обрета большую жанровую форму не в эпическом, но в драматическом роде.

Вероятно, лишь Д.Н. Мамин-Сибиряк поддерживает в 80-е годы славу русского романа, как это видится сейчас. И все же первые романы Мамин-Сибиряка («Приваловские миллионы», 1883; «Горное гнездо» и «Дикое счастье», 1884; «Бурный поток», 1886) не смогли «переломить» ситуацию, сложившуюся в русской литературе 80-х годов. Очевидно, нужно было время, чтобы роман, «перестроившись» в соответствии с новыми эстетическими запросами, смог воплотить в многообразных жанровых модификациях новую формирующуюся концепцию мира и человека, а значит – снова утвердить свое лидирующее положение в системе жанров русской литературы.

По точному замечанию Н. Л. Лейдермана, «романная структура всегда ориентирована на синтез», на поиск «*всеобщей связи явлений*». Эту философскую формулу, обозначающую наиболее общую закономерность существования мира, ученый часто использовал в своих трудах, говоря о жанре романа. Романная структура – как раз и «представляет собой модель связей и отношений», в которых «обнаруживаются в сумбурной, многоцветной “прозе жизни” единство и смысл» [Лейдерман 2010: 267-268]. Справедливость данного понимания сущности и функции романа подтверждается всей последующей историей этого жанра в русской и мировой литературе XIX-XX веков.

Литература:

Баскаков В.Н. Романисты 1880-1890-х годов // История русского романа : в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 2. С. 476-489.

Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.

Дергачев И.А. Динамика повествовательных жанров русской прозы семидесятых – девяностых годов XIX века // Русская литература

1870-1890 годов. Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. Вып. 9. С. 3-17.

Дергачев И.А. «Кризис» романного жанра. Поиски Мамина-Сибиряка // Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870 – 1890-х годов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 91-103.

Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13.

История русской литературы второй половины XIX века / под ред. Н. И. Кравцова. М.: Просвещение, 1966.

Кирпотин В.Я. Пафос будущего. Статьи. М.: Сов. писатель, 1963.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Институт филол. исследований и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.

Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 2: 1889 - апрель 1891 // chegov.niv.ru/chegov/bio/letopis/letopis-1889-5.htm (дата обращения 11.03.2014).

Муратова К.Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л.: Наука, 1966.

Скабичевский А.М. Наши новые беллетристические силы // *Новости*. 1885. № 84. 28 марта.

Толстой Л.Н. Дневник. 18 июля 1893 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 52.

Салтыков – Щедрин М.Е. Господа ташкентцы // Салтыков – Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во «Правда», 1988. Т. 3.

Цейтлин А.Г. Пути критического реализма в 80-е годы // *История русской литературы*: в 3 т. / под ред. Д.Д. Благого. М.: Наука, 1964. Т. 3.

Щенников Г.К., Щенникова Л.П. История русской литературы XIX века (70-90-е годы). М.: Высшая школа, 2005.

Мельникова А.В. (Екатеринбург)

Жанровое своеобразие малой прозы

Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

Для Д. Н. Мамина-Сибиряка период 80-х гг. XIX в. явился необычайно важным и продуктивным: избранный писателем ранее (в период «первого дебюта», 1875–1877) оригинальный уральский материал в сочетании со становлением манеры письма и жанровыми поисками определили вектор всего последующего творческого развития уральского автора. Именно в 1880-е гг. были написаны известные романы уральского цикла – «Приваловские миллионы» (1883), «Горное гнездо» (1884), «Дикое счастье» (1884). Однако наряду с романами в это время появлялись и произведения малых эпических форм, изучение всего многообразия которых необходимо для более полного и глубокого понимания творчества Мамина. Кроме того, рассказы и очерки 1880-х гг.